

УДК 316.454.5

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ ГЛАЗАМИ УЧИТЕЛЕЙ

© 2013 г.

Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшеев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kutyavina@gmail.com

Поступила в редакцию 05.08.2013

Представлены материалы эмпирического исследования проблемы насилия в школе, которое проводилось на базе кафедры общей социологии и социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2012–2013 гг., отражающие позицию учителей.

Ключевые слова: насилие, насилие в школе, буллинг.

Проблеме насилия в школе долгое время в отечественной науке не придавалось особого значения, она была латентна и мало исследована. Одной из первых публикаций на данную злободневную тему явилась статья И.С. Кона «Что такое буллинг и как с ним бороться?» [1], которая стала вехой для признания насилия в школе социальной проблемой, требующей особого внимания со стороны как педагогов, родителей, так и научного сообщества [2–4].

Само явление школьного насилия не является сугубо российским, данная проблема актуальна во многих странах, например в США, Германии и др. [5–7]. Особое место среди насильственных отношений в школе занимает буллинг [1; 8–15].

Наряду с постановкой проблемы в отечественной педагогической литературе все чаще появляются материалы о возможностях и технологиях профилактики школьного насилия [7; 16–20], особое внимание уделяется при этом роли социального педагога [19; 21–23]. Есть и социологические публикации о школьном насилии [24].

Представляем ряд результатов, полученных в ходе исследования «Школа: обыденность насилия (Анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)», которое проводилось на базе кафедры общей социологии и социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2012–2013 гг. (научный руководитель исследования – проф. З.Х. Саралиева). Исследование комплексное, сочетает количественные и качественные методы (анкетирование, экспертное интервью, фокус-группы, контент-анализ). Данная статья посвящена анализу результатов экспертных интервью с работниками школ. В качестве экспертов выступили руководители школ,

учителя, социальные педагоги и психологи. Всего опрошено 36 человек.

На первом этапе интервью проводилось в двух формах – формализованное и неформализованное. Формализованное интервью предназначено для получения однотипной информации от каждого респондента. Ответы всех респондентов должны быть сравнимы и поддаваться классификации. Это означает, что различия и сходство в ответах должны отражать действительные различия и сходство между респондентами, а не различия, вызванные задаваемыми вопросами или тем, как эти вопросы были поняты. Неформализованное интервью предполагает в каждом из тематических блоков перечень тех аспектов, по которым должна быть получена информация. Содержание интервью может меняться от респондента к респонденту: каждый респондент сообщает ту информацию или высказывает те мнения, которые он может представить наилучшим образом. При неформализованном интервьюировании интервьюер стремится получить максимально развернутые и полные ответы, используя дополнительные и уточняющие вопросы. В случае если респондент не отвечал на вопрос или отвечал односложно, интервьюер задавал вопрос в косвенной формулировке.

Различия в результатах форм интервью дали возможность оценить латентность проблемы. На втором этапе использовалось неформализованное интервью. Опрос проводился непосредственно в школах, возможно поэтому более выражено было стремление работников школ дистанцироваться от насилия как социального явления. Некоторые отказывались от записи на диктофон.

На первом этапе исследования были проведены 13 интервью (2 – с уполномоченными по

правам ребенка в Кировской и Нижегородской областях; 11 – с учителями общеобразовательных школ, в том числе в восьми из г. Нижнего Новгорода и трёх из Нижегородской области). Учителя работают с учащимися разных классов (от начальных до старших), 6 являются классными руководителями, 4 – социальными педагогами, 2 – заместителями директоров; общий педагогический стаж от 9 лет до 31 года; большинство работали все время в одной школе, но некоторые в течение трудовой жизни сменили несколько школ (например, по месту опроса работали лишь несколько месяцев) или имели длительные перерывы.

На втором этапе исследования было опрошено 24 человека: 8 руководителей школ, 8 социальных педагогов, 8 школьных психологов. Все опрошенные являются также учителями, работают с учащимися средних и старших классов.

Большинство респондентов косвенно признавали актуальность проблемы насилия в школе, отвечая на прямой вопрос: «Насколько актуальна для вашей школы проблема насилия?», многие задумывались (возникали порой длительные паузы) и отмечали, что либо лично с проблемой не сталкивались, либо она имела место скорее в виде отдельных случаев, которые могут быть отнесены к насилию. Затруднение вызывала оценка размера инцидента, тянет ли он на *проблему насилия*, хотя сами факты *наличия насилия* признавались, правда, с обязательной оговоркой на исключительность данного конкретного случая. Говорили о случаях насилия в своих школах в основном лишь как об исключительно редких, но при этом создавалось впечатление, что порой не столько не хотелось напрягать память, сколько выносить сор из избы.

В моей практике... Я не скажу, что у нас прям вот эти вопросы насилия четко выражены, выделены. То есть в таком широком смысле, что вот и физическое насилие, психическое насилие не встречалось. Вот так вот очень открыто. Был один случай. (P2)

Я конечно, не задумывалась. Но, если рассматривать насилие в разных формах, то, конечно, наверное, присутствует. Если его рассматривать в разных формах... Наверное, есть. (P3)

Лично, как в нашей школе, проблемы насилия... такого нет. То есть дети, по крайней мере, нам не жаловались на то, что у них там возникают какие-то проблемы вот именно по насилию. Будь то со стороны педагогов, будь то со стороны сверстников. Ну, бывают, конечно, единичные случаи, когда дети подерутся

между собой, но это во всех организациях, во всех школах такое бывает. (P4)

Потому, что я не могу сказать, что в каких-то больших масштабах или очень изоциренные какие-то формы. Я говорила, что был в прошлом году единичный случай. Изоциренных каких-то таких, с садистскими наклонностями, такого нет. Как мы всегда говорим, ну мальчишки есть мальчишки, всегда бывает друг друга там потрепали. А вот нет там какой-то с особой жестокостью такого. Или массовых избиений, массовой какой-то травли, такого нет. (P5)

Тема такая, трудно ответить сразу. То, что она существует и необходимо постоянное внимание этому вопросу, это несомненно. Насколько я знаю, эта школа одна из самых спокойных в отношении насилия. Каких-то маргинальных проявлений здесь не было, эту школу я знаю с 1999 года... А бытовые элементы насилия, конечно, существуют. (P8)

Респондентами отмечалось, что проблема насилия в школе скорее глобальная проблема (и Россия на этом фоне выглядит более благополучно, чем другие страны) и носит более острый характер для отдельных регионов или отдельных школ (но не для тех, в которых работают опрашиваемые).

У нас периферия, здесь более или менее спокойно, а в Москве это очень тяжелая проблема, да и у нас постепенно накапливается. (P8)

По мнению некоторых учителей, СМИ явно драматизируют ситуацию... но это их заставляет задуматься...

В СМИ это обсуждается довольно широко, есть передачи, где дети дерутся и вплоть до заведения уголовного дела на детей. Это актуально даже в садике... Идет пропаганда... (P7)

Не могу подобрать цензурного слова, чтобы охарактеризовать наши СМИ. Они не выдерживают никакой критики. (P8)

По мнению большинства участников опроса, проблема насилия в школе во многом является отражением более сложных процессов, происходящих в современном российском социуме, в российской семье, именно в них лежат корни. Школьное насилие лишь бледный отпечаток того насилия, которое захлестнуло страну.

Актуально, что кругом одно насилие, пропаганда насилия. Дети предоставлены сами себе. Компьютер. Вседозволенность вот эта вся. Дети все это видят. (P1)

Социальная среда влияет, накладывает определенный отпечаток, это 100%. (P6)

Начинается все, конечно, в семье, корни надо искать там. (P8)

Проблема насилия со стороны родителей. И еще раз говорю, что мы не встречаемся с этими фактами в открытую. (P2)

Актуальна со стороны родителей, родители дома обижают детей. (P6)

Работники школ отмечают, что уровень защищенности/незащищенности учащихся разных классов неодинаков. С одной стороны, отмечается уязвимость самых маленьких, но они же находятся под тотальным контролем учителя, с другой стороны, у старшеклассников все серьезнее, да и учителям следить за ними сложнее.

Стоит отметить, что принцип «у нас все хорошо, но за других этого сказать не можем», проявляется здесь также очень отчетливо. Проблема кажется острее в том звене, где респондент не работает непосредственно. Однако большинство признают (и это подтверждается другими исследованиями), что наиболее проблематичны школьники средних (5–8-х) классов.

Конечно, в начальных классах. Как слепишь, так и дальше пойдет. (P8)

Серьезнее проявляется в старших классах, я думаю. Хотя, если брать детей младших звеньев, они более жестоки по отношению к своим же одноклассникам, более склонны обзывать, выявлять недостатки. А старшие более склонны к физическому насилию, подраться бы. (P7)

Среди учащихся, вовлеченных в насильственные отношения, чаще попадают нетипичные по тем или иным характеристикам дети, например:

У меня в классе есть ребята пяти национальностей, так вот совпало. Притом это ярко выражено внешне. Есть и казахи, и грузин. И я очень долго пыталась причесать вот это все. В первом классе были конфликты, стали дразнить. Притом обратили внимание на это старшие дети, в столовую идем, и слышу: «ООО». И первоклашки тоже обратили внимание, что некоторые дети не такие, как все. (P6)

Случай был в среднем звене. Когда про мальчика (он с ограниченными возможностями здоровья) писали одноклассники в блогах, в социальных сетях какие-то неприятные вещи. Одноклассники через социальные сети всячески пытались его морально унижить, вот так вот задавить. (P5)

В ходе интервьюирования были названы несколько основных зон напряжения: это отношения между самими школьниками (между одноклассниками, между старшеклассниками и младшеклассниками); насилие учителей над школьниками; школьников над учителями; ро-

дителей по отношению к детям, причем не только к своим родным; родителей и учителей и др., но все это, как отмечали учителя, единичные случаи, либо им хотелось в это верить, поскольку проблема носит ярко выраженный латентный характер.

Может быть, где-то там в закрытой форме, и дети не хотят об этом говорить. Но опять же, мне кажется, такого не должно было быть. Все равно какая-то информация она через кого-то прошла. Хотя я скажу, что и школа-то у нас не маленькая. Но, слава Богу, пока Бог избавил. За исключением вот этого случая. (P2)

При всей исключительности, эксклюзивности случаев насилия, перечень видов насильственных действий в интервью впечатляет: физическое насилие (драки, рукоприкладство, отбирание денег), психологическое насилие (травля, бойкот, словесные унижения), животворство и др.

В ряде интервью работники школ отмечают, что насилие в подростковой среде – дело обычное, вполне укладывающееся в разряд допустимого при соблюдении определенных условий, например:

Нет, у нас чаще бытовое. Кружатся, один другому нос задел. Чего-то вопиющего, что послужило бы поводом для педсовета, такого нет. Драться, бить, гнобить, такого нет. В любом классе есть свои изгои, есть свои лидеры, но такого глобального насилия нет. (P6)

Что мне не нравится. Мне не нравится, когда несколько человек... Понимаете, я всегда своим объясняю, проще, когда один на один, раздразнились, поругались, я за это даже ругать не буду. Но если, извините, вы трое бьете одного. Такое тоже бывало, давно, но бывало. (P9)

В ходе опроса было выявлено, что специальных учебных программ, направленных на предотвращение насилия в школе, учителя не знают. Они отмечали, что вопросы профилактики насилия чаще рассматриваются в рамках или специальных предметов (например, обществознания, права, ОБЖ), или комплексных программ, реализуемых в школах (например, «Подросток», «Семья»). Некоторые называли в качестве учебных курсов по профилактике насилия факультативы по православной культуре.

Я думаю, что программа действительно нужна... пусть она у нас не «жестокое насилие», просто программа «Семья», потому что она охватывает все. Не только же нужно обращать внимание на агрессию. А нужно, наоборот, чтобы здоровым образом жизни,

здоровым поведением это воспитывать. Не надо все о насилии, о насилии говорить. Наоборот, надо положительные моменты озвучивать. (P1)

Нет. Если только система мер каких-то. Отдельные мероприятия, система мероприятий, так вот скажем. Программы нет. А учебная... что подразумевается? В учебных программах что?... Курс ОБЖ если только. Воспитательных отдельных программ нет. (P5)

В отличие от работников школ, уполномоченные по правам ребенка оказались более включенными в проблему, она видится ими намного шире, чем учителям. Так, в ответе на вопрос «Как Вам представляются роли всех участников ситуации насилия в школах?» было отмечено ситуативное и ролевое соотношение участников, которое определяется целым комплексом характеристик:

Во-первых, кто является субъектом ситуации: «ученик – ученик», «ученик – учитель», «ребенок – родитель». Это наиболее типичные варианты, но практика показывает, что не исключены случаи, когда «чужие дети» становятся объектами грубых действий со стороны «чужих родителей».

Во-вторых, участники ситуации насилия – это не только жертва и лицо, предпринявшее неадекватные действия, но и те, кто предупреждает возникновение таких ситуаций: специалисты профильных служб (психологи, социальные педагоги и т.д.), представители педагогической и родительской общественности, сами учащиеся, занимающие активную жизненную позицию, и просто неравнодушные люди.

В-третьих, мы говорим о временном факторе. Если ребенок все-таки попал в неадекватную ситуацию, столкнулся с нежелательным или даже недопустимым жизненным опытом, то на арену событий выходят специалисты, занимающиеся реабилитацией, адаптацией детей и коррекцией сломанных жизненных детских установок. Это чаще всего выходит за рамки отдельного образовательного учреждения, подключаются специальные службы и органы социальной защиты. Конечно, особая роль отводится администрации школ и образовательных учреждений, ведь именно этим людям зачастую приходится выступать в роли стороны, регулирующей спорные вопросы. (Уполномоченный по правам ребенка Кировской области)

Уполномоченные по правам ребенка отмечали, что факты жестокого обращения с детьми находятся в поле их постоянного внимания, по ним принимаются меры на самом высоком

уровне, ссылались на Указ о «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (03.06.2012 г.), определяющий основные направления деятельности на уровне РФ. В национальной стратегии констатируется, что в Российской Федерации отсутствует эффективная система защиты детства, не разработаны стандарты обеспечения и защиты прав ребенка, механизм планомерного выполнения на межведомственном уровне положений Конвенции о правах ребенка и заключительных замечаний комитета ООН по правам ребенка, не определен координирующий федеральный орган исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики в отношении детей.

В настоящее время ведется активная работа по формированию плана конкретных мер реализации стратегии в регионе на среднесрочную и ближайшую перспективу.

В этой связи, по мнению уполномоченных по правам ребенка, особенно актуальным представляется введение специальных курсов по повышению квалификации учителей по проблеме насилия в школе. Одним из приоритетных направлений Национальной стратегии действий в интересах детей является: «Обеспечение профессионализма и высокой квалификации при работе с каждым ребенком и его семьей. Обеспечение условий для качественной подготовки и регулярного повышения квалификации кадров во всех отраслях, так или иначе связанных с работой с детьми и их семьями». Подчеркивается, что «разработкой и реализацией таких программ должны заниматься специалисты профильных учреждений с достаточным уровнем квалификации» (Уполномоченный по правам ребенка Кировской области).

При разработке подобного рода программ и курсов рекомендуется учитывать опыт зарубежных стран, а также подчеркивается необходимость опираться на результаты научных исследований. В частности, по мнению уполномоченного по правам детей Кировской области, «социологические исследования позволят увидеть результат в динамике, своевременно выявить позиции, подлежащие корректировке, определить приоритетные позиции на перспективу. Разумеется, все эти мероприятия не должны наносить какой бы то ни было ущерб личности, достоинству, безопасности всех субъектов взаимодействия». При этом особо подчеркивается, что сравнение российских и зарубежных социологических исследований «позволяет выявить наиболее результативный опыт и определить то лучшее, что может

быть использовано в нашей стране. Открытость всех процессов – главное требование времени. В конечном счете, на основе сравнения результатов Россия будет признаваться как партнер в мировом сообществе» (Уполномоченный по правам ребёнка Кировской области).

В качестве возможного направления адаптации зарубежного опыта отмечается развитие служб пробации. В РФ еще с мая 2011 года по поручению Президента РФ идет подготовка законодательной базы к созданию служб пробации. Применительно к несовершеннолетним зарубежный опыт работы служб пробации очень полезен, т.к. это не карательные меры, а восстановительные процедуры. В РФ в рамках различных пилотных проектов уже работают службы пробации, например в Ростове-на-Дону, в Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге и др. (уполномоченный по правам ребёнка Нижегородской области). Более подробно позиция уполномоченного по правам ребенка Нижегородской области изложена в её публикациях [25].

Список литературы

1. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
2. Ботова М.Г. Насилие как социально-педагогический феномен // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 2. С. 140–142.
3. Исенина И.Е. Что такое «насилие в школе» // Психология и школа. 2010. № 2. С. 54–67.
4. Степанова И.Б., Явчуновская Т.М. Подросток и насилие: проблемы и факты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 50–55.
5. Гребенкин Е.В., Хаббергер В. Особенности конфликтного поведения младших школьников и школьников подросткового возраста: взгляд из России и Германии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 1. С. 16–25.
6. Маланцева О. Насилие в школе: пути решения проблемы // Социальная педагогика. 2010. № 2. С. 113–116.
7. Романова Е.Н. Опыт использования европейских странами программ профилактики насилия в школах // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 212–218.
8. Аверьянов А.И. Школьный буллинг в воспоминаниях студентов МГПИ // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. 2011. № 4. С. 22–25.
9. Вишневская В.И., Буговская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 55–68.
10. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–165.
11. Кривцова С.В. Буллинг в школе vs сплоченность неравнодушных. М.: Федеральный институт развития образования, 2011. 93 с.
12. Маланцева О. «Буллинг» в школе. Что мы можем сделать? // Социальная педагогика. 2007. № 4. С. 90–92.
13. Петросянц В.Р. Структурная организованность жизнестойкости старшеклассников – участников буллинга в образовательной среде // Психология обучения. 2011. № 10. С. 100–109.
14. Петросянц В.П. Проблема буллинга в современной образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 151–154.
15. Файнштейн Е.И. Моббинг, буллинг и способы борьбы с ними // Директор школы. 2010. № 7. С. 72–76.
16. Воробьева К. Профилактика агрессивности в подростковой среде // Воспитание школьников. 2008. № 6. С. 55–61.
17. Голубь М.С. Виктимный подросток как объект и субъект педагогической профилактики насилия // Новые технологии. 2011. № 4. С. 165–168.
18. Гребенкин Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе: Учебно-методический комплекс. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 157 с.
19. Лукина Т.Н. Система работы школьного социального педагога по профилактике насилия и жестокости // Известия Смоленского государственного университета. 2009. № 3. С. 321–326.
20. Мерцалова Т.А. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? // Директор школы. 2000. № 3. С. 25–32.
21. Болотова Е.Л. Насилие в школе: правовые последствия // Народное образование. 2012. № 5. С. 242–248.
22. Хоминьская Л.И., Палюх М.С. Новые решения в области школьного законодательства, процедуры и профилактические программы по предотвращению явлений насилия в школе // Педагогические науки. 2009. № 4. С. 23–28.
23. Шульга Н.Ю. Подготовка будущего социального педагога к профилактике насилия в школьной среде // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 50–53.
24. Сизова И.Л. Социологическая теория о причинах насилия в школе // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 374–380.
25. Барабанова С.Н. Социальная работа в образовательном учреждении в контексте прав ребенка // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 4 (28). С. 125–126.

VIOLENCE IN SCHOOLS FROM THE POINT OF VIEW OF TEACHERS*Е.Е. Кутявина, А.В. Курамшеев*

This article is about the empirical study of the problem of violence in schools, which was conducted at the Department of General Sociology and Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod in 2012–2013, reflecting the position of teachers.

Keywords: violence, school violence, bullying.